

Метафорические модели с глаголами движения в хантыйском языке (на фоне мансийского языка)

В. Н. Соловар

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск, Россия

Аннотация

Фразеологические сочетания хантыйского и мансийского языков с глаголами движения описывают психическое и физическое состояние человека, переживание им какой-либо жизненной ситуации, определенного положения дел, межличностные отношения, осуществление потребностей человека в интеллектуальной или социальной сфере. Метафорические модели восходят к конструкциям со значением движения по направлению к одушевленному субъекту, со значением движения внутрь тела человека, изнутри наружу, по вертикали вверх или вниз и др. Метафора формируется за счет неизосемического заполнения позиций субъекта или директива: в роли субъекта могут выступать номинации эмоций или состояний, в роли директивов – наименования человека или частей его тела.

Ключевые слова

фразеологические сочетания, глаголы движения, стертая метафора, хантыйский язык, мансийский язык

Для цитирования

Соловар В. Н. Метафорические модели с глаголами движения в хантыйском языке (на фоне мансийского языка) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54). С. 56–67. DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-56-67

Metaphorical models with verbs of movement in the Khanty language (against the background of the Mansi language)

V. N. Solovar

Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development, Khanty-Mansiysk, Russian Federation

Abstract

The article discusses phraseological combinations of the Khanty and Mansi languages, which are based on the metaphor of movement. These combinations represent the mental and physical state of a person, their experience of a life situation, a certain state of affairs, interpersonal relationships, and the fulfillment of human needs in the intellectual or social sphere. Metaphorical models trace their origins to prototypical constructions signifying movement toward an animate subject, encompassing movement within the human body, both vertically and internally. The metaphor is formed by non-isosemic filling of the positions of the subject or directive. The role of the subject can be expressed by emotion or state nominations, and the role of directives by the names of a person or parts of the body. Data for this study comprised materials compiled by the author, including expert consultations with native Khanty and Mansi speakers, and data from multiple textual and dictionary sources. Methods implemented in this study include, but are not limited to, component analysis, systematization, classification, modeling, and comparative analysis. A novel contribution of this research is the application of spatial metaphor as a basis for analyzing the development of figurative meanings of verbs of motion within physiological, emotional, intellectual, and social spheres, using Ob-Ugric languages as a primary source. This research is relevant given the imminent risk of extinction facing the Khanty and

© В. Н. Соловар, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54)

Mansi languages. Phraseology as the most idiomatic and figurative part of the lexical composition of the language is seen to be displaced by everyday speech.

Keywords

phraseological combinations, verbs of movement, erased metaphor, Khanty language, Mansi language

For citation

Solovar V. N. Metaforicheskie modeli s glagolami dvizheniya v khantyyskom yazyke (na fone mansiyskogo yazyka) [Metaphorical models with verbs of movement in the Khanty language (against the background of the Mansi language)]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54), pp. 56–67. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-56-67

Введение

Представления о пространстве передаются в языке посредством специальных языковых единиц, которые отражают их значимость для носителя языковой традиции. В формах языка закреплены результаты познавательной и преобразующей деятельности человека, «с самого начала направленной на осознание им своего места в окружающем пространственном и временном мире, поддающемся прямому чувственному восприятию и воздействию» [Ибрагимова 1992: 64]; «категория пространства в языке получает сложную репрезентацию на всех знаковых уровнях языка: лексическое выражение эта категория находит в системе существительных, прилагательных, наречий, глаголов; морфологическое – в приставках и предложно-падежных формах имен; синтаксическое – в конструкциях с глаголами определенных классов» [Там же: 71].

А. П. Чудинов отмечает, что когнитивистика рассматривает метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира. Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, познает при помощи метафор тот мир, в котором он живет, а также стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира [Чудинов 2003: 5]. Метафорическое употребление глаголов движения, включая и устойчивые сочетания, метафорические модели движения изучались на материале различных языков [Lakoff, Johnson 1980; Булыгина, Шмелев 2000; Долгова 2007; Надеина 2007; Гусейн-Заде 2012; и мн. др.]. Многозначность и некоторые особенности употребления глаголов движения, в том числе в переносном значении, в тюркских языках Сибири получили отражение в диссертационных исследованиях, монографиях и статьях [Кокошникова 2002; 2004; Барыс-Хоо 2006; Чугункова 2016; Тюттешева 2022; и др.]. На материале обско-угорских языков проблема полисемии глаголов почти не исследована, исключение составляет работа, посвященная системе значений мансийского глагола *патуукве* ‘падать’ [Жорник, Харитонов 2021], а глаголы движения в составе устойчивых сочетаний ранее не рассматривались.

В данной статье исследуются хантыйские фразеологические сочетания (ФС) на фоне родственного мансийского языка, реализующие стертую метафору движения, где движение переосмыслено как переживание человеком определенного состояния, жизненной ситуации и др. Предпринимается попытка построения моделей этих ФС и их анализа в сравнении с мансийским языком. Метафора движения в них является стертой, прочно интегрированной в язык и не воспринимаемой уже как таковая. В. Н. Телия отмечает, что некоторые исследователи выделяют такие сочетания среди фразеологических, называя их лексическими коллокациями с аналитическим типом значения в силу их способности «за счет “связанного” по значению слова-компонента обозначать смыслы, которые обладают общекатегориальным содержанием» [Телия 1996: 66]: указывают на способ протекания, фазисные характеристики действия и т. п.

ФС с этими глаголами обозначают физиологическое, эмоциональное, ментальное состояние человека, переход из одного состояния в другое, высокую степень проявления эмоций. Субъектом состояния в исследуемых ФС является человек, при этом далеко не всегда он называется прямо и эксплицитно. Вместо этого в позицию подлежащего выдвигаются наименования эмоциональных или физиологических состояний, соматизмы, что является основой для формирования метафоры. Другой механизм переноса значений связан с особенностями заполнения позиции локализаторов, которые также могут быть выражены соматизмами или называют неопределенные, удаленные или, наоборот, максимально приближенные к субъекту пространства. Ситуация

движения переосмысливается как ситуация перехода из одного состояния в другое, причем актуализируется начальная либо конечная фаза события, его продолжительность и интенсивность.

В составе ФС рассматриваемых языков используются многочисленные и разнообразные глаголы движения: хант. каз. *йухэ́тты* 'прийти', *ма́нты* 'идти, уйти', *йиты* 'идти по направлению к говорящему', *этты* 'выходить', *кэриты* 'упасть', *илы лакне́маты* 'провалиться', *ньухла́ты* 'двинуться, шевельнуться', *шөйлэ́ты* 'погрузиться', *лууты* 'войти', *йухлы керла́ты* 'возвращаться' и др.; манс. *мину́кве* 'уйти', *эхтуу́кве* 'прийти', *йиу́кве* 'идти' (по направлению к говорящему); *нэ́глуу́кве* 'выходить', *рагатау́кве* (*патуу́кве*) 'упасть', *торгуу́кве* 'дрожать', *но́х-ли́люу́кве* 'встать' и мн. др. Глаголы движения в составе устойчивых сочетаний обозначают разные виды движения: по горизонтали (вовнутрь и вовне) и по вертикали (вверх и вниз) и др.

Вслед за Е. В. Тюнтешевой, моделью, в основе которой лежит метафора движения, или метафорической моделью (ММ) движения, мы считаем реализацию представлений о движении в лексическом составе и смысловой структуре устойчивого сочетания, формирующих определенную семантику [Тюнтешева 2022: 145]. В хантыйском и мансийском языках мы выявили несколько основных ММ движения, реализующихся в ФС. В самом общем виде их можно представить как «движение → переход в новое физиологическое или эмотивное состояние», «движение → установление новых межличностных отношений».

Материалом для исследования послужили собственные данные автора, полученные в процессе консультаций с экспертами – носителями хантыйского и мансийского языков, а также разнообразные текстовые и словарные источники, например словарь мансийского языка [Баландин, Вахрушева 1958]. В исследовании используются методы компонентного анализа, систематизации, классификации, моделирования, сопоставления и др. Новизна состоит в том, что впервые на материале обско-угорских языков рассматривается пространственная метафора и развитие переносных значений глаголов движения в разных сферах – физиологической, эмотивной, интеллектуальной, социальной. Актуальность связана с тем, что фразеология как наиболее идиоматизированная и образная часть лексического состава языка в первую очередь вытесняется в бытовой речи, фиксация образных средств послужит развитию литературных форм обско-угорских языков.

1. Метафорическая модель «движение → переход в новое состояние»

Глаголы движения являются предикатами пространственных конструкций, при помощи которых кодируется ситуация перемещения субъекта из одной точки пространства в другую по определенной трассе. Изосемически позицию субъекта занимает имя, обозначающее активно действующее лицо, начальная и конечная точки движения указывают на те или иные пространственные ориентиры. Типичной метафорической моделью является перенос из физической сферы в физиологическую, эмотивную, интеллектуальную и социальную, при котором позиции субъекта и начальной и конечной точек движения получают неизосемическое наполнение.

С помощью стертой метафоры ФС движения описывают переход человека в новое состояние и интенсивность его переживания.

Основной в обско-угорских языках является ММ, обозначающая начало или прекращение того или иного состояния: «прийти в какое-л. эмоциональное или физиологическое состояние → начать испытывать (интенсивно) какое-л. эмоциональное (обычно негативное) или физиологическое состояние» и «выйти из какого-л. состояния → перестать испытывать какое-л. состояние».

1.1. Метафора, в основе которой лежит представление о движении в горизонтальной плоскости

Переход в новое физиологическое или эмотивное состояние (часто отрицательное, интенсивное) выражается при помощи базовых глаголов хант. каз. *йухэ́тты* 'прийти', *ма́нты* 'уйти', манс. *эхтуу́кве* 'прийти' и др., которые формируют несколько структурных разновидностей конструкций, реализующихся в физиологической, эмотивной, интеллектуальной, социальной сферах.

1) Первая разновидность конструкций включает два компонента – «имя + глагол». Позицию субъекта занимает наименование эмоции, физиологического состояния или абстрактное существительное с обобщенным значением 'речь', за счет чего происходит метафорический перенос

в физиологическую, эмотивную или интеллектуальную сферы. Лично-притяжательные аффиксы, оформляющие название физиологического состояния или эмоции, указывают на лицо – носителя данного состояния: *Лыкэл йухтэс* ‘Он разозлился’ (букв.: злость=его пришла); *Пэлтап вер ци йухтэс* ‘Испугался’ (букв.: страшное дело пришло); манс. *Лаве юве* ‘Ненавидит кого-то’ (букв.: ненависть=его идет); *Ам тай тамле хётпа нупыл сака лавум юве, тав паттатэнт тасэвит мэхманув порславёсыт* ‘Я такого человека вообще ненавижу, из-за него столько наших людей погибло’ [Динисламова 2022: 19]; *Аквум лэви, сүйт пил ватым пилыцман ёхтувес, тувыл мот мят минас* ‘Тетя говорит, на бору собирая ягоды, испугалась’ (букв.: страх к ней пришел), отсюда в другое место ушла’ [Там же: 22].

Если позицию субъекта при глаголах хант. каз. *йухэтты* и манс. *ёхтуукве* ‘прийти’, занимает лексема с семантикой ‘смерть’, то конструкция выражает переход от жизни к смерти: *Имухты ци сурмэл йухтамтэл* ‘Сразу умер’ (букв.: смерть=его пришла); *Сурмэл йухтэс* ‘Находится при смерти’; манс. *Сормён ёхтувес* ‘Смерть=его пришла’.

Глагол хант. каз. *йухэтты* ‘прийти (о сне, о холоде, о силе, усталости и др.)’ сигнализирует о начальной стадии какого-либо состояния, тогда как глагол *мэнтты* ‘идти, уйти’ – о его завершении, ср.: *Наврем олмэл йухтэс* ‘Ребенок захотел спать’ (букв.: сон=его пришел); *Олмэл нур ант йухэтла* ‘Сон совсем не приходит’; *Икэн лыкэл мэнас* ‘Муж=твой перестал сердиться’ (букв.: злость=его ушла); *Имэл лык сухэл мэнас* ‘Жена перестала сердиться’ (букв.: злая шкура жены ушла); манс. *Ойкам кантэ минас* ‘Муж мой не злится’ (букв.: злость=его ушла).

ФС с глаголами движения могут привносить значение интенсивности проявления чувств и эмоций: манс. *Кантэ ёт хайтыгты* ‘Злится (кто-либо)’ (букв.: со злостью=своей вместе бегает); манс. *Аквтон сэмыл кутюв хайтыс* ‘Неожиданно возникла неприязнь, отчуждение, недоброжелательность по отношению друг к другу’ (букв.: будто черная собака пробежала).

Глагол *мэнтты* ‘идти, уйти’ может характеризовать течение того или иного процесса в интеллектуальной сфере, если позицию субъекта занимают абстрактные имена существительные типа ‘речь’, ‘мысль’, ‘слово’. Сравнительные обороты вносят значение интенсивности или образа действия. Уверенная речь передается ФС, в котором слово сравнивается с резким, прямым движением топора или стрелы: *Йасуэл лайэм мөнх иты мэнал* ‘Он говорил убедительно’ (букв.: слово=его, как обух топора, идет); *Лув лупэм йасуэл китэм нол иты мэнал* ‘Он высказал мысль прямо, честно’ (букв.: сказанное им слово, как выпущенная стрела, летит); манс. *Номтэ вит хольт ови* ‘Хорошо думается (кому-либо)’ (букв.: мысль=его как вода течет).

2) Вторая разновидность основана на модели движения по направлению к конечной или начальной точке, в которой позиция подлежащего замещается названием лица, испытывающего определенное эмоциональное состояние, или части его тела (часто используется соматизм ‘сердце’), а также наименованием эмоции (‘злость’, ‘тяжесть’). Базовые для данной модели глаголы обозначают движение либо из той точки, где находится субъект (хант. *мэнтты* ‘уйти’), либо в точку, где находится говорящий (хант. каз. *йухэтты* ‘прийти’), при тех и других глаголах возможны обстоятельства места, указывающие на начальную или конечную точки движения.

а) Движение к конечной точке. Позицию директива-финиша занимают обозначения самого человека, его тела в целом или части тела. В зависимости от того, какая именно часть тела человека мыслится как конечная точка движения, эмоция интерпретируется как положительная или отрицательная.

Движение по направлению к горлу, печени, пальцу ноги связано с представлением об отрицательных эмоциях – злости, страхе, тоске и печали: хант. каз. *Ма пэлама лыкэл этэл* ‘Он злится на меня’ (ко мне злость=его выходит); *Аукэл щиты ултал кутэн, тўра ци йухэтэл* ‘Когда мама так лежала, разозлилась’ (букв.: к горлу пришла); манс. *Сыме лэгыл туёлёвылн ёхтыгналыс* ‘Испугался’ (букв.: сердце=его очень близко к пальцу ноги доходило); *Кантэ мэйтын ёхтыс* ‘Сильно разозлился, рассвирепел (кто-либо)’ (букв.: злость=его до печени дошла); *Сыме тэртитын ёхтувес* ‘Печалится, тоскует’ (букв.: на сердце=его тяжесть пришла) [Динисламова 2022: 22].

Интенсивность отрицательных эмоций выражается сочетанием глагола *шөшэмты* ‘шагнуть’ со словом ‘кровь’ в позиции конечной точки движения: *Лай вўра, пит вўра шөшэмты* ‘Разъяриться, рассвирепеть’ (букв.: в темную кровь, в черную кровь шагнуть).

Средоточием эмоций чаще всего является сердце, которое выступает либо как субъект, либо как конечная точка движения. Выход сердца наружу ассоциируется с испугом: хант. каз. *Сэмем*

хóлты мáйнэс ‘Я испугался’ (букв. сердце=мое куда-то ушло); *Сáмем иса мáйнэс* ‘Я очень испугался’ (букв.: сердце=мое ушло); *Сáмем щиты мáйнэс* ‘Я очень испугалась’ (букв.: сердце=мое так ушло); хант. шур. *Сáм мáнты хорти* ‘Испытать испуг’ (букв.: сердце ушло, похоже) [Возелова 2024: 92]; хант. сург. *Ма сáмам áйнам вóнта мáнэл* ‘Сердце=мое совсем в лес уходит’.

Перемещение сердца внутри тела человека – к горлу, ко рту и т. д. – символизирует печаль, отчаяние, неудовлетворенность, утрату желания к какой-либо деятельности, страх: манс. *Тáве хунтлым сáмум сяр турын ёхтыс* ‘Слушая его, отчаиваюсь’ (букв.: его слушая, сердце мое к горлу пришло) [Динисламова 2022: 22]; *Турумн ёхтүвёсүм* ‘Надоело мне’ (букв.: в горло мне пришло); *Нáнан аквосытыл лёуктантанкве ам турумн ёхтүвёсүм* ‘Вам постоянно повторять мне надоело’; хант. сург. *Сáм дүл вáса йёвтылэл* ‘Сердце до рта доходит’ (о состоянии страха); хант. шур. *Сáмем пýйа мáйнэс* ‘Я очень испугался’ (букв.: сердце в зад ушло).

Движение внутрь сердца, напротив, символизирует положительные эмоции: хант. каз. *Сáм хура лóңэл* ‘Он хочет понравиться’ (букв.: в щель сердца заходит); *Ма сáмема лууэс* ‘Я влюбилась’ (букв.: он вошел в мое сердце); хант. шур. *Сáмем вóйэн óвля* ‘Я испытываю радость, счастье, блаженство’ (букв.: в сердце=мое жир течет); манс. *Сýме сýлтнэ* ‘Любимый человек’ (букв.: в сердце=ее вошедший).

Проникновение внутрь тела человека инородного существа обозначает отрицательные эмоции: манс. *Аквотп матарын сýлтвес* ‘Разгневался, разозлился’ (букв.: будто что-то внутрь вошло). Ср. в хантыйском языке аналогичное представление о «пестрой женщине», проникающей в тело человека, также воспринимается как отрицательное явление: хант. каз. *Хáйшау имийэн лууса* ‘Он постоянно много ест’ (букв.: пестрое существо вошло; о ненасытном, прожорливом человеке).

Директив-финиш ‘пазуха’ воспринимается как неотъемлемая часть человека, нарушение целостности которой вызывает состояние ужаса, шока, особенно при проникновении в нее чужеродного субъекта, например, собаки: хант. приур. *Ампем лумемна лáңэс* ‘Собака ко мне за пазуху влезла’ (в ситуации, когда человек очень сильно испугался). Ср. тот же директив-финиш при описании поведения человека, которое вызывает отторжение: *Пухэл лытийа лууэл* ‘Ведет себя навязчиво’ (букв.: за пазуху лезет).

Аналогичный перенос наблюдается и в социальной сфере, где метафора движения, связанная с необычным директивом-финишем, обозначает странное, отрицательно оцениваемое поведение: *Лýв акаñ хотэла ци лууэс* ‘Он чувствует себя неловко’ (букв.: в дом куклы залез; то есть старается быть меньше, незаметнее).

Если ФС с глаголом *йухлы керлэты* ‘повернуться назад’ используется в интеллектуальной сфере при субъекте, обозначающем слова, то ситуация их возвращения оценивается слушателем неодобрительно: *Йүвра йасуэн лáпэт пýи йухлы керлэл* ‘Неправильные (букв.: кривые) слова семь раз возвратятся’ (букв.: назад повернутся).

В физиологической сфере потеря сознания или голоса передается глаголом хант. *мáнты* ‘уйти’, конечная точка, как правило, не определена и часто не указывается или обозначается неопределенными местоимениями типа ‘куда-то’: каз. *Ма хулт пелá ци мáнсáм* ‘Я потеряла сознание’ (букв.: куда-то ушла); *Лýв лáп ци мáйнэс* ‘Он ушел в забытье’; *Ухэл-сэмэл мунтэлмáсы, ухэл-сэмэл лáп мáнса, ци улэмтэс* ‘Голову-глаза=его закрыли, голова-глаза уснули’ (букв.: голова-глаза=его зашли), лег он спать; *Щи кýт иса лáп мáнсáйм* ‘В это время я потеряла сознание’ (меня закрыли); сург. *Нýэврэм нáмсэл бóлты мэн* ‘Ребенок потерял сознание’ (букв.: мысль куда-то ушла); манс. *Ты кумт сайтэ лап-минас* ‘В это время она потеряла сознание’; хант. каз. *Тýрэл лáп мáйнэс* ‘Он потерял голос’ (букв.: к закрытию зашел); *Мýн па нýр áл лáп мáнсáйэв* ‘Мы просто замолчали’ (букв.: к закрытию ушли); манс. *Нýврам лап-минас лóньсэтыл* ‘Ребенок закатился, захлебнулся плачем’ (букв.: закрытие ушел); манс. *Турсуе лап-минас* ‘Голос=его потерялся’. Ухудшение состояния зрения фиксируется глаголом *лáп увты* ‘затечь’: *Семүэл лáп увсайуэн* ‘Глаза=ее заплыли’ (затекли).

ФС, обозначающее переход от жизни к смерти, включает многозначный глагол хант. *мáнты*, манс. *минуукве* и обозначает движение прочь, к морю, вниз по течению, в южные земли, то есть в иные миры: хант. каз. *Лýлэс мáйнэс* ‘Он умер’ (букв.: дыхание=его ушло); *Па төрэма ци мáйнэс* ‘Умер’ (букв.: ушел в другой мир); *Щорэса мáйнэс* ‘Умер’ (букв.: отправился к морю); *Ув са мáйнэс* ‘Умер’ (букв.: уплыл по течению); *Морты мýва мáйнэс* ‘Умер’ (букв.: к южной земле ушел); шур. *Хáжа мýва касэлты* ‘Умереть’ (букв.: на землю мертвых переехать); хант.

приур. *Лэпэк велты мйнэс* ‘Он умер’ (букв.: ушел добывать песцов); манс. *Лылытэ минас* ‘Умер’ (букв.: душа ушла); *Мот м̄ нупыл минас* ‘Умер’ (букв.: в сторону иного места ушел); *Хотталь с̄ялтыс* ‘Умер’ (букв.: куда-то (в иной мир) вошел); *Мот м̄н аквай та м̄инас* ‘Умер’ (букв.: безвозвратно ушел в иной мир) [Иванова 2014: 172].

В социальной сфере движение по направлению к абстрактному ориентиру трактуется как положительная ситуация. ММ «Идти навстречу явлению социальной жизни → вступить в определенные отношения / вызвать какую-л. положительную реакцию в социуме» представлена единичными примерами: *Лаймән-кэшән хө вөлты нөптәл уйән йэцалт йицлы* ‘Трудолюбивому человеку удача всю жизнь навстречу идет’ (букв.: к мужчине с топором-ножом удача навстречу идет).

Глаголы движения могут использоваться также в разных фразеологизированных конструкциях, в которых и субъект, и директив-финиш выражаются неизосемически, например: [*Ин икэлән на йөшәл ләп вўсы.*] *Иса кўтән вана ци йухтәс* ‘[И этот мужчина перегородил ему дорогу.] Разозлился он’ (букв.: промежуток=их к короткому пришел). Базовой для данного высказывания является конструкция с семантикой характеристики ‘промежуток короткий’, в которой позиция предиката выражается именем прилагательным *ван* ‘короткий’. В хантыйском языке для выражения изменения качества используется структура, по форме совпадающая с конструкциями движения: сказуемое – это глагол движения, а прилагательное в форме дательного-направительного падежа занимает позицию директива-финиша. В позиции субъекта стоит нарицательное имя существительное *кўтән* ‘промежуток’, в позиции директива-финиша – прилагательное. Такое выражение обозначает, что расстояние между людьми чрезмерно укоротилось, уменьшилось, что привело к раздражению и злобе.

Таким образом, в конструкциях типа «кто движется куда» метафора возникает на основе неизосемического заполнения позиций субъекта и директива-финиша. Если в прототипических конструкциях движения подразумевается одушевленный субъект, то в метафорических моделях это может быть абстрактное имя существительное с семантикой того или иного состояния или соматизм. В позиции, обозначающей конечную точку движения, вместо названия географического пространства может также стоять соматизм, указывающий на то, что движение замкнуто внутри самого субъекта, переживающего ту или иную эмоцию. Переход из одного физиологического состояния в другое, от жизни к смерти сопровождается указанием на запретельные пространства, не освоенные человеком, неведомые ему. Таким образом, конструкции, прототипически предназначенные для выражения движения по направлению к конечной точке, в физиологической, эмотивной, интеллектуальной и социальной сферах передают значение перехода из одного состояния в другое, приобретение нового качества.

б) Движение из начальной точки. Переход в новое состояние может передаваться также ММ, в основе которой лежит представление о движении изнутри наружу: «выйти из пространства какого-л. эмоционального / ментального / физического состояния → испытывать (интенсивно) какое-л. эмоциональное (обычно негативное) / ментальное / физическое состояние», которые обладают теми же самыми характеристиками, которые описаны для предыдущей группы.

В состав таких сочетаний входят глаголы хант. каз. *етты* ‘выходить, исходить’, *м̄нты* ‘уйти’, *н̄ухлэты* ‘шевелнуть, сдвинуться’. Субъектную позицию занимают наименования эмоций, таких как злость, ненависть, или соматизмы – чаще всего *с̄м* ‘сердце’, например: хант. каз. *с̄м=// м̄нты* ‘испугаться’ (букв.: сердце уйти); *с̄м=// н̄ухлэты* ‘встревожиться’ (букв.: сердце шевелнуться, сдвинуться); хант. шур. *Щиты пакәнсәм, на с̄мем унәл ус элты ким х̄йц навәрмәс* ‘Так я испугалась, и сердце=мое изо рта чуть не выпрыгнуло’; *С̄мем х̄йц ким р̄кәнәл* ‘Сердце=мое чуть не выпадает наружу’ (о состоянии страха) [Вальгамова и др. 2010: 137]; хант. сург. *С̄мхән т̄вәтат йтлэхән* ‘Из глаз пламя выходит’ (букв.: глаза огнем исходят; об агрессивном поведении человека; интенсивность передается агенсом *т̄вәт* ‘огонь’); манс. *Ты н̄э руманэ́тэ лавыл н̄элытэ* ‘Эта женщина ненавидит подругу’ (букв.: ненавистью выходит); *Н̄элы сыме лавыл н̄элы* ‘Ненавидит (кто-либо кого-либо)’ (букв.: сердце=его ненавистью исходит); *Восьрамын кон ты паты* ‘Свиристует, неистовствует (кто-либо)’ (букв.: желчь=его вот-вот наружу выпадет) [Динисламова 2022: 19].

В интеллектуальной сфере данная модель обозначает отрицательную оценку речи человека, если она шокирует, приводит к прекращению общения: хант. шур. *Ўнәл н̄авәрән этәл*

‘Он чрезмерно много говорит’ (букв.: изо рта=его пена выходит) [Возелова 2024: 92]; *Путарэн хөн этлайэн, путар хөн этэл* ‘Беседа не получается’ (букв.: разговор не выходит).

Желание также выражается конструкцией, в которой отражается представление о выходе мысли наружу: *Мун эвалтава нумас ат этэл, мәнлэв цив муй аң мәнлэв* ‘Мы должны выразить желание (букв.: от нас мысль пусть исходит), поедем туда или не поедем’.

По этой же модели описывается физическое состояние: хант. каз. *Лылем ци этас* ‘Я выжил’ (букв.: дыхание=мое вышло) – о состоянии радости и удовлетворения после испытанного потрясения.

Положительные эмоции ассоциируются также с движением чувств выше пояса: хант. каз. *Ши неун кутлэпэл слты мәнэл* ‘Эта женщина очень довольна’ (букв.: выше пояса идет).

Характеристика поведения человека в социальной сфере передается глаголами *этты* ‘входить’ и *лууты* ‘выходить’: *Иса ци кутэн ај этэл, ај луулэл* ‘Между тем как ни в чем не бывало ходит’ (букв.: просто выходит, просто входит; подразумевается, что субъект никак не реагирует на свое предшествующее поведение, которое осуждается).

Таким образом, для описания перехода из одного состояния в другое используется конструкция с прототипической семантикой движения внутрь или наружу, субъектом движения являются эмоции или соматизмы (наиболее частотный соматизм – ‘сердце’), которые могут входить или выходить из тела человека или перемещаться внутри него, что символизирует изменение состояния в разных сферах.

3) Третий структурный вариант содержит глагол движения в форме пассива, субъект называет лицо, испытывающее то или иное состояние или эмоцию, а название состояния или эмоции выражается существительным в форме местно-творительного падежа: хант. каз. *Ма ухем олэмэн ци йухэтса* ‘Я захотел спать’ (букв.: голова=моя сном приходима); *Лув ньхэн йухэтса* ‘Ему стало смешно’ (букв.: он смехом приходим); *Пәлтапэн на ци йухэтсайэм* ‘Я опять испугался’ (букв.: страхом приходим); *Потам рүвэн елем ци йухэтла* ‘Тело=мое охватило холодом’ (букв.: холодом приходимо); *Ма ньхтыйэн йухэтсайэм* ‘Я чихнул’ (чиханием приходим); *Вөнтәр нитрәм пелтәпән йухэтса* ‘Поясницу начало колоть’ (букв.: покалыванием приходим); *Төймәпсыйән йухэтса* ‘Он устал’ (букв.: усталостью приходим); *Ма шөкән йухэтсайэм* ‘Мне стало лень’ (букв.: я ленью приходим); *Пирәцән йухэтты нитсайэм* ‘Я стал стареть’ (букв.: старостью приходим стал); *Муй кем йөрал йухтас, ци йүвәтльәс* ‘Сколько сил хватило (букв.: пришло), стрелял он’; манс. *Ам олмыл ёхтүвесум* ‘Я хочу спать’ (букв.: я сном приходим); *Атың хұл исмит тәгын – ёрын ёхтавен* ‘Вкусную уху съешь – сила прибавится’ (букв.: придет); манс. *Ам олмыл ёхтүвесум* ‘Я хочу спать’ (букв.: я сном приходим).

Кроме специальных лексем, называющих те или иные разновидности состояний, в форме местно-творительного падежа может выступать слово со значением ‘шкура’ или неопределенное местоимение: хант. каз. *Щиты хулты на пәлты сухэн ци йухэтты нитса* ‘И так как-то ему стало становиться страшно’ (букв.: бояться шкурой приходим стал); хант. шур. *Атәм сухән йухэтса* ‘Он разозлился очень’ (букв.: плохой шкурой приходим) [Возелова 2024: 91]; манс. *Матарын ёхтыглаве* ‘Раздражается (кто-либо)’ (букв.: что-то к нему приходит) [Динисламова 2022: 19].

Аналогично строятся предложения, в которых выражается желание или нежелание совершить то или иное действие: хант. каз. *Арән йухэтсайэм* ‘Захотелось мне петь’ (букв.: я песней приходим).

Интеллектуальную деятельность передают следующие ФС: каз. *Имәлтыйән ма нумәсән ци йухэтсайэм* ‘Однажды мне пришла мысль’ (букв.: я мыслью прийдён); манс. *Номтын ёхтүвес* ‘Задумал он’ (букв.: мысль пришла).

Особенностью этого структурного варианта является неизосемическое кодирование ситуации движения, в которой движущимся субъектом выступает то или иное состояние или эмоция (смех, страх, чихание, усталость, старость и др.), а лицо является конечной точкой, к которой это движение направлено. Но иерархия одушевленности не позволяет в обско-угорских языках поставить в более высокую позицию обозначение неодушевленного предмета, поэтому в позиции подлежащего стоит название лица как конечной точки, а пассивная форма сказуемого указывает на «перевернутые» отношения между одушевленным предметом и воздействующими на него эмоциями или состояниями.

2. Метафора, в основе которой лежит представление о движении в вертикальной плоскости

1) ММ, в основе которой лежит представление о движении вниз: «опуститься в пространство какого-л. эмоционального / ментального / физического состояния → испытывать (интенсивно) какое-л. эмоциональное (обычно негативное) / ментальное / физическое состояние».

Отрицательные эмоции передаются при помощи глаголов падения: хант. каз. *питты* ‘падать’, *рйкэнтты* ‘упасть’, *кэритты* ‘упасть’, *илы лакнэмэты* ‘провалиться’, *илы лакнэмэты* ‘горевать’ (букв.: провалиться), *илы хйтэмэты* ‘скатиться’, *пйрыты* ‘сыпаться’, *посыты* ‘капать’, *мйнты* ‘уйти, опуститься’, *шөйлэты* ‘погрузиться’; манс. *патуункве* ‘падать’, *пасгуункве* ‘капать’, *ёл-рагатаункве* ‘упасть’, *ёл-патуункве* ‘упасть’, например: хант. каз. *Йошнэлам илы лакнэмэсун* ‘Руки мои опустились’ (букв.: вниз провалились; о состоянии горя); *Семнэл кйлыён посылаун* ‘Покраснели глаза от злости’ (букв.: глаза кровью капают; интенсивность отрицательных эмоций выражена сочетаемостью глагола *посыты* с агенсом *кйлыён* ‘кровью’); хант. шур. *Лув венн сэхэл лык, йл пйрыйэл* ‘У нее лицо злое’ (букв.: кожа ее лица злая, просто сыпется); манс. *Восьраме нас пйсги* ‘Свиристует, неистовствует (кто-либо)’ (букв.: желчь=его так и капает); хант. шур. *Венн сохэл ил пйрыйэл* ‘Она злится’ (букв.: кожа лица сыпется); *Ин ими сймлы кэрийэс* ‘Женщина испугалась’ (букв.: без сердца упала); манс. *Сыме ёл рагатас (патыс)* ‘Испугался (кто-либо)’ (букв.: сердце=его вниз упало); *Пункен тйра паты* ‘Умный, сообразительный человек’ (букв.: в голову=его сразу падает) [Динисламова 2022: 16]; *Сяр нэматыр ул лавён, сымум ёл ты паты* ‘Совсем ничего мне не говорите, а то я расстроюсь’ (букв.: сердце мое упадет); *(Аквтон) мйн сялты* ‘Стыдится (кто-либо)’ (букв.: будто в землю входит); каз. хант. *Сймэл илы хйтэмэма* ‘Он обрадовался’ (букв.: сердце вниз скатилось).

Перечисленные глаголы обозначают также изменение физиологического состояния человека в отрицательную сторону: хант. каз. *Ин икэт ци пакэнсэт, олэмэл па ци рйкэнсэт* ‘Мужчины испугались, потеряли сон’ (букв.: сны их упали); *Ин икэв ёлпэл иса рйкнэс* ‘Мужчина совсем побледнел’ (букв.: внешность совсем упала); *Шйнк йиунка шөйлэты* ‘Очень сильно вспотеть’ (букв.: в пот погрузиться). Изменение состояния фиксирует также близкий по семантике глагол *йира рйкэнтты* ‘отпасть’: каз. *Наврэм сема пйтэс, мөшэл йира рйкэнэл* ‘Ребенок увидел глазами нечто необычное во время болезни’ (привиделось), значит, он выздоровеет’ (букв.: болезнь=его отпадет); манс. *Тыгыл тйрын вйглы* ‘Он скоро умрет’ (букв.: в озеро спустится; о старом человеке).

По этой же модели строятся предложения, передающие речь человека, которая в таких высказываниях может получать одобрительную оценку слушающего: хант. каз. *Лув лупэм йаснэл тал мйва йн мйнэл* ‘На него можно положиться, он надежный’ (букв.: сказанные слова=его просто в землю не уйдут); *Йасэна-пугара шөйлэты* ‘увлечься беседой’ (букв.: погрузиться в слово-разговор).

В социальной сфере глаголы падения описывают негативно оцениваемые ситуации: манс. *Тав ёссырман патыс* ‘Она опозорилась’ (букв.: в стыд упала).

2) ММ, в основе которой лежит представление о движении вверх: «подняться в пространство какого-л. эмоционального / ментального / физического состояния → испытывать (интенсивно) какое-л. эмоциональное / ментальное / физическое состояние». Движение вверх связано как с отрицательными, так и с положительными чувствами. В мансийском языке состояние страха фиксируется как движение волос вверх: *Атанэ нйх-алмхатсыт (нйх-лйльсыт)* ‘Волосы встали дыбом’ (букв.: волосы=его вверх поднялись).

ФС, включающее в свой состав глагол хант. каз. *хйвэлэты* ‘всплыть’, описывает чувство жалости: *Нумсэл хйвэлэл* ‘Он сжалился’ (букв.: мысль=его всплыла); *Шальэл хйвэлэс* ‘Пожалела она его’ (букв.: жалость=ее всплыла). Данный глагол обозначает также неодобрение пустых разговоров: *Пуй кйниэм тылцэл хйвэлэс* ‘Болтает она, треплется’ (букв.: месяц=ее чесания зада всплыл).

Вертикальное движение вверх передают также глаголы хант. *нух рйкэнтты* ‘подпрыгнуть’ (букв.: вверх упасть), манс. *нох-лапуункве* ‘взойти, подниматься’, которые в составе ФС обозначают радость: хант. шур. *Щит йастамэл кемэн, сймем нох рйкнэс* ‘Когда она это сказала, я обрадовалась’ (букв.: сердце=мое вверх упало); манс. *Сыме нйх-лапи* ‘Счастливый, радостный человек’ (букв.: сердце=его вверх поднимается); *Таве касалым, сымум нйх-лапыс* ‘Его увидев, так

обрадовалась' (букв.: сердце мое вверх поднялось). Подъем сердца символизирует также счастье и удовольствие [Динисламова 2022: 20].

При помощи глаголов данной группы описывается также переход из одного физиологического состояния в другое: хант. каз. *Ма нух р'ак'анс'ам* 'Я проснулась'; *Эвие нух р'ак'н'ас* 'Девочка вздрогнула'; хант. сург. *С'ам'ам к'а'ва'х'ул'ал* 'Тошнит' (букв.: сердце всплывает).

Начало нового события обозначается при помощи глагола хант. каз. *нух х'у'вл'аты* 'всплыть'. Он формирует уникальную ММ «всплыть / уйти в какое-л. жизненное негативное событие → переживать какое-л. негативное жизненное событие, какие-л. жизненные перипетии»: *М'ош-к'айи нух х'у'вл'ал* 'Начнутся болезни' (букв.: болезнь-боль всплывает); *Ин ц'айта на ц'и ат'ам вер нух ц'и х'у'вл'ас* 'Вот затем там и открылось' (букв.: всплыло) плохое дело'.

3. Метафора, в основе которой лежит представление о колебательном или вращательном движении

ММ, в основе которой лежит представление о колебательном или вращательном движении, описывает ситуацию «находиться в колебательном или вращательном движении в пространстве какого-л. эмоционального / ментального / физического состояния → испытывать (интенсивно) какое-л. эмоциональное (обычно негативное) / ментальное / физическое состояние».

Волнение человека, тревога, сомнения передаются в хантыйском языке глаголами *тор'ул'тый'ал'ты* 'волноваться' (букв.: трястись), *ара п'ер'ан'т'ты* 'наступать (топтать) в разные стороны'. Эти эмоции ассоциируются с представлениями о колебательных движениях сердца и др. органов: хант. каз. *Л'у'в тор'ул'тый'ал* 'Он волнуется'; *А'ук'ем м'ан'ты п'ан'т й'эл'ний'эн тор'ул'тый'ал* 'Мама перед дорогой волнуется'; *Э'в'ем х'ул'на ара п'ер'ан'тал, м'ан'ал м'уй' ан'т'о* 'Дочь=моя еще сомневается (букв.: в разные стороны топчет), поедет или нет'; *Ма с'ам'ем н'ух'ул'ас* 'Я встревожилась' (букв.: сердце=мое сдвинулось); манс. *К'а'та'гум нас т'ор'ы'г'та'ве'г* 'Действует на нервы (кто-либо)' (букв.: руки=мои будто так и трясет); хант. сург. *К'а'н'п'ак'ин'т'мин, ма и'х'н'ам л'а'п'а'х'ул'ал* 'От испуга у меня подбородок дрожит'; *С'ам тор'а'х'ул'ал* 'Сердце дрожит' (от страха, горя, испуга); *Ма с'ам'ам, н'а'ва'м т'ор'а'х'ул'ал* 'У меня сердце, тело трясется'; *С'ам'ем а'л тар'ый'ал* 'Сердце просто дрожит' (о состоянии испуга); хант. шур. *С'ам'ем т'ор'ый'ал* 'Я переживаю, нервничаю' (букв.: сердце=мое дрожит); манс. *С'умум нас тор'ги* 'Сердце=мое дрожит' (о состоянии страха).

Злоба человека передается скрежетом зубов: *П'е'ук'ал' в'оп'и'ца а'л ц'и р'ыв'с'ат* 'Зубы просто стучат друг об друга' (букв.: вместе отскакивают; о состоянии злобы).

Положительные или отрицательные эмоции (в зависимости от контекста) передает глагол хант. каз. *пу'х'л'ам'т'ты* 'шевелиться': *С'ам'ем пу'х'л'ам'т'ас* 'Я испытываю радость или испуг' (букв.: сердце=мое шевельнулось).

По этой же модели строится ФС, обозначающее интеллектуальную деятельность: *Нум'с'ем л'а'р'ый'ал* 'Я постоянно думаю об одном и том же' (букв.: мысль=моя кружится).

Физиологическое состояние передает ММ с глаголом *н'ух'аты* 'шевелиться': *К'у'р па'ул'ал х'ул'на н'у'х'ал* 'Он только умер' (букв.: большой палец ноги еще шевелится).

4. Метафора, в которой отражается представление о трассе

Переосмысление трассы приводит к формированию переносных значений глаголов движения, которые передают положительные или отрицательные эмоции: ММ «пойти по хорошему, легкому пути → испытать положительные эмоции». Радость связана с представлением о движении сердца по маслу: *С'ы'ме в'ой'т о'ви* 'Радостно, приятно на душе (у кого-либо)' (букв.: сердце=его по маслу течет); *На'у ё'тын хон'т'хат'с'у'мен, ты ур с'умум ан' в'ой'т о'ви* 'С тобой встретились, поэтому мне радостно' (букв.: сердце мое сейчас по маслу течет).

В социальной сфере осуждение, неодобрение избранного человеком образа жизни сопровождается указанием на неправильно выбранную дорогу: хант. каз. *А'мп й'о'ш, с'ав й'о'ш х'у'ват ц'и м'ан'ас* 'По собачей дороге, по дороге сороки отправился' [Каксина 2017: 170]. В данном случае ММ имеет значение «пойти по неверному пути → вести себя неподобающим образом».

5. Метафора, в которой отражается представление о преграде

Еще одним важным компонентом пространственной ситуации, который также задействован в формировании переносных значений, является компонент «преграда», на основе которого формируется ММ «преодолеть преграду → нарушить те или иные социальные нормы поведения». Данная модель формируется глаголами хант. *шөшәмты* 'шагнуть', *шөпи навэрмэты* 'перепрыгнуть' и др.: хант. каз. *Сәмлы-мухаллы войән шөпи навэрмәлүйән* 'Тебе станет лень работать' (букв.: животное без сердца-печени через тебя перепрыгнет); хант. шур. *Ащи ух, аңки ух шөпа ал вүниэ* 'Нужно прислушиваться к советам родителей' (букв.: через голову отца, голову матери не переходи); *Йайән / опен ой эдты мандэн* 'Заберешь удачу / счастье у сестры / брата' (букв.: через счастье старшего брата / сестры перешагнешь; речь идет о запрете переступить через пояс, вещи брата; выходить замуж / жениться раньше старших). Такие поступки, как правило, отрицательно оцениваются в социуме.

Заключение

Наиболее многочисленная группа ФС представлена типом «движение – переход в новое состояние». Она формируется ФС, в состав которых входят глаголы, обозначающие движение в горизонтальной плоскости, направленное к конечной точке движения или, наоборот, из начальной точки движения. Для выражения этих смыслов чаще всего используются многозначные глаголы хант. каз. *йухэтты* 'прийти', манс. *ёхтуункве* 'прийти', хант. *мәнты* 'идти, уйти', манс. *минуункве* 'идти, уйти' и др. Часть ФС совпадает в обоих языках, встречаются полные соответствия при передаче чувства страха, злобы, ненависти, при формировании мыслительной деятельности и физического состояния. Частные различия касаются представлений о форме проявления и причинах эмоций. Так, материал хантыйского языка показывает, что злость возникает при нарушении границы между людьми, короткое расстояние ведет к ссоре и злобе; в мансийском языке интенсивность злобы передается ее движением до печени. Представления о чувстве любви, привязанности совпадают: оно ассоциируется с движением внутрь сердца.

Мы полагаем, что анализ более обширного материала позволит уточнить наши представления о системе ММ движения хантыйского и мансийского языков. Однако уже имеющийся материал демонстрирует особенное представление этих этносов о движении и пространстве, физическом и идеальном, которое является частью их языковой картины мира.

Список сокращений

каз. – казымский диалект хантыйского языка; манс. – мансийский язык; приур. – приуральский диалект хантыйского языка; сург. – сургутский диалект хантыйского языка; шур. – шурышкарский диалект хантыйского языка; хант. – хантыйский язык

Список литературы

- Баландин А. Н., Вахрушева М. П. Мансийско-русский словарь. Л.: Учпедгиз, Ленингр. отделение, 1958. 227 с.
- Барыс-Хоо В. С. Лексико-семантическая группа глаголов движения в тувинском языке: в сопоставительном аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 23 с.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Перемещение в пространстве как метафора эмоций // Логический анализ языка: языки пространств. М., 2000. С. 277–288.
- Вальгамова С. И., Кошкарева Н. Б., Онина С. В., Шиянова А. А. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты). Екатеринбург: Баско, 2011. 208 с.
- Возелова Л. Г. Глагольные фразеологические единицы шурышкарского диалекта хантыйского языка // Вестник филологических наук. 2024. Т. 4. № 7. С. 89–94.
- Гусейн-Заде И. А. Метафора движения по вертикали в образной характеристике чувств и эмоций // Вестник Том. гос. ун-та. 2012. № 1 (5). С. 5–10.
- Динисламова О. Ю. Образ человека во фразеологической картине мира мансийского и русского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2022. 26 с.
- Долгова И. А. Метафорическая модель перемещения в пространстве: Дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007. 242 с.

Жорник Д. О, Харитонов В. С. Модель полисемии глагола *патуукв(е)* в мансийском языке // Материалы Всероссийской научно-практической конференции XIX Югорские чтения (1 декабря 2020 года, г. Ханты-Мансийск) «Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации». Ханты-Мансийск, 2021. С. 91–109.

Ибрагимова В. Л. Семантика глаголов пространственной локализации в современном русском языке. Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1992. 167 с.

Иванова В. С. Локальные особенности в обрядности северных манси (конец XIX – начало XXI века). Санкт-Петербург: Алмаз-Граф, 2014. 282 с.

Каксина Е. Д. Голова как основной аспект соматического пространства человека в языковой картине мира хантов // Культура и время перемен. 2019. № 2 (25). URL: timekguki.esrae.ru/ru/41-452 (дата обращения: 28.02.2025).

Каксина Е. Д. Символическое значение образа дороги в фольклоре казымских ханты // Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера. Ханты-Мансийск; Тюмень: ФОРМАТ, 2017. С. 161–175.

Кокошников О. Ю. Семантическая структура многозначного глагола в хакасском языке (в сопоставлении с русским): Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2002. 281 с.

Кокошников О. Ю. Семантическая структура многозначного глагола в хакасском языке в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири. Новосибирск, 2004. 144 с.

Надеина Л. В. Метафора движения и оценка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 1 (8). С. 116–119.

Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. 141 с.

Тюнтешева Е. В. Метафорические модели фразеологических сочетаний с глаголами движения в алтайском и хакасском языках (в сравнительно-сопоставительном аспекте) // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 142–157.

Чугункова А. Н. Категория пространства в хакасском языке (в сравнительно-типологическом аспекте): Дис. ... д-ра филол. наук. Абакан, 2016. 345 с.

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. 250 с.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: Uni. Of Chicago Press, 1980. 242 p.

References

Balandin A. N., Vahrusheva M. P. *Mansiysko-russkiy slovar'* [*Mansi-Russian dictionary*]. Leningrad, Uchpedgiz, Leningr. otd., 1958, 227 p. (In Mansi and Russian)

Barys-Hoo V. S. *Leksiko-semanticheskaya gruppa glagolov dvizheniya v tuvinskom yazyke: v sopostavitel'nom aspekte* [*Lexico-semantic group of verbs of movement in the Tuvan language: in a comparative aspect*]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2006, 23 p. (In Russian)

Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Peremeshchenie v prostranstve kak metafora emotsiy* [Moving in space as a metaphor for emotions]. In *Logicheskii analiz yazyka: yazyki prostranstv* [*Logical language analysis: languages of spaces*]. Moscow, 2000, pp. 277–288. (In Russian)

Chudinov A. P. *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii* [*Metaphorical mosaic in modern political communication*]. Ekaterinburg, 2003, 250 p. (In Russian)

Chugunekova A. N. *Kategorija prostranstva v hakasskom yazyke (v sravnitel'no-tipologicheskome aspekte)* [*The category of space in the Khakass language (in the comparative-typological aspect)*]. Dr. philol. sci. diss. Abakan, 2016, 345 p. (In Russian)

Dinislamova O. Yu. *Obraz cheloveka vo frazeologicheskoy kartine mira mansiyskogo i russkogo yazykov* [*The image of a person in the phraseological worldview of the Mansi and Russian languages*]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2022, 26 p. (In Russian)

Dolgova I. A. *Metaforicheskaya model' peremeshcheniya v prostranstve* [*Metaphorical model of movement in space*]. Cand. philol. sci. diss. Samara, 2007, 242 p. (In Russian)

Guseyn-Zade I. A. *Metafora dvizheniya po vertikali v obraznoy kharakteristike chuvstv i emotsiy* [*Metaphor of vertical motion as figurative characteristic of emotions*]. *Vestnik Tom. gos. un-ta* [*Tomsk State University Journal*]. 2012, no. 1 (5), pp. 5–10. (In Russian)

Ibragimova V. L. *Semantika glagolov prostranstvennoy lokalizatsii v sovremennom russkom yazyke* [*Semantics of spatial localization verbs in modern Russian*]. Ufa, BSU, 1992, 167 p. (In Russian)

Ivanova V. S. *Lokal'nye osobennosti v obrjadnosti severnykh mansi (konec 19 – nachalo 20 veka)* [Local peculiarities in the rituals of the northern Mansi (late 19th – early 21st century)]. St. Petersburg, Almaz-Graf, 2014, 293 p. (In Russian)

Kaksina E. D. Golova kak osnovnoy aspekt somaticheskogo prostranstva cheloveka v yazykovoy kartine mira khantov [The head as the main aspect of the human somatic space in the linguistic picture of the Khanty world]. *Kul'tura i vremya peremen* [Culture and time of change]. 2019, no. 2 (25). URL: timekguki.esrae.ru/ru/41-452 (accessed 28.02.2025). (In Russian)

Kaksina E. D. Simvolicheskoe znachenie obraza dorogi v fol'klore kazymskikh khanty [The symbolic meaning of the road image in the folklore of the Kazim Khanty]. In *Problemy i perspektivy sotsial'no-ekonomicheskogo i etnokul'turnogo razvitiya korennnykh malochislennykh narodov Severa* [Problems and prospects of socio-economic and ethnocultural development of the indigenous peoples of the North]. Khanty-Mansiysk, Tyumen, FORMAT, 2017, pp. 161–175. (In Russian)

Kokoshnikova O. Yu. *Semanticheskaya struktura mnogoznachnogo glagola v khakasskom yazyke (v sopostavlenii s russkim)* [Semantic structure of polysemantic Khakass verbs (in comparison with Russian)]. Cand. Philol. Sci. Diss. Novosibirsk, 2002, 281 p. (In Russian)

Kokoshnikova O. Yu. *Semanticheskaya struktura mnogoznachnogo glagola v khakasskom yazyke v sopostavlenii s tyurkskimi yazykami Yuzhnoy Sibiri* [Semantic structure of polysemantic Khakass verbs in comparison with the Turkic languages of Southern Siberia]. Novosibirsk, 2004, 144 p. (In Russian)

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, Uni. Of Chicago Press, 1980, 242 p.

Nadeina L. V. Metafora dvizheniya i otsenka [Metaphor of movement and evaluation]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. Tambov, 2011, no. 1 (8), pp. 116–119. (In Russian)

Teliya V. N. *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinit* [The connotative aspect of the semantics of nominative units]. Moscow, 1986, 141 p. (In Russian)

Tyuntseva E. V. Metaforicheskie modeli frazeologicheskikh sochetaniy s glagolami dvizheniya v altayskom i khakasskom yazykakh (v sravnitel'no-sopostavitel'nom aspekte) [Metaphorical models of phraseological combinations with verbs of movement in the Altai and Khakass languages (in a comparative aspect)]. *Kritika i Semiotika* [Critique and Semiotics]. 2022, no. 2, pp. 142–157. (In Russian)

Val'gamova S. I., Koshkareva N. B., Onina S. V., Shiyanova A. A. *Dialektologicheskii slovar' khantyyskogo yazyka (shuryshkarskiy i priural'skiy dialekty)* [Dialectological dictionary of the Khanty language (Shuryshkar and Uralic dialects)]. Ekaterinburg, Basko, 2011, 208 p. (In Khanty and Russian)

Vozelova L. G. Glagol'nye frazeologicheskie edinity shuryshkarskogo dialekta khantyyskogo yazyka [Verbal phraseological units of the Shuryshkar dialect of the Khanty language]. *Vestnik filologicheskikh nauk* [Philological Sciences Bulletin]. 2024, vol. 4, no. 7, pp. 89–94. (In Russian)

Zhornik D. O., Kharitonov V. S. Model' polisemii glagola patuykv(e) v mansiyskom yazyke [The polysemy model of the verb pathukv(e) in the Mansi language]. In *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii XIX Yugorskie chteniya (1 dekab-rya 2020 goda, g. Khanty-Mansiysk) "Korennnye malochislennyye narody Severa, Sibiri i Dal'ne-go Vostoka: traditsii i innovatsii"* [Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference XIX Yugra readings (December 1, 2020, Khanty-Mansiysk) "Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: traditions and innovations"]. Khanty-Mansiysk, 2021, pp. 91–109. (In Russian)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
09.03.2025

Сведения об авторе – Information about the Author

Валентина Николаевна Соловар – доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела хантыйской филологии Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (Ханты-Мансийск, Россия)

Valentina N. Solovar – Doctor of Philology, Docent, Principal Researcher, Department of Khanty philology, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (Khanty-Mansiysk, Russian Federation)

solovarv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4894-0117>